

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

П.С. Каневский, канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПОЛИТИКА И ДЕМОКРАТИЯ В ТРУДАХ АЛЕНА ТУРЕНА

P.S. Kanevskiy

ALAIN TOURAINE'S STUDY ON POLITICS AND DEMOCRACY

В данной статье анализируется влияние идей и теорий французского социолога Алена Турена на поле дискурса современной социологии и политической социологии. Каким образом структурные трансформации общества, процессы социального дробления и атомизации влияют на природу демократии, общественное сознание, взаимодействие граждан с государством? Столь глобальные вопросы ставят непростые задачи перед исследователями, от которых требуются ревизия традиционных подходов и выработка обновленного научного инструментария, отвечающего вызовам времени. Противоречивое и глубокое наследие Алена Турена не дает ответов на все вопросы, но оно все еще способно генерировать новые виды дискурса в социологическом сообществе, в чем и заключается сегодня его ценность.

Ключевые слова: демократия, общество, Ален Турен, социальная структура, социальные движения, группы интересов, либерализм, политическое участие.

Current article analyzes the influence of Alain Touraine's ideas and theories on discourse on contemporary sociology and political sociology. How do structural transformations of society, processes of social fragmentation and atomization influence the essence of democracy, public consciousness, interaction between citizens and the state? Such global questions pose difficult tasks for scholars, who need to revise and renew the traditional approaches to be able to respond to challenges of our time. Controversial and deep heritage of Alain Touraine doesn't give answers to all questions, but it's able to generate new kinds of discourse in sociological community and this is the reason it's still valuable.

Ключевые слова: democracy, society, Alain Touraine, social structure, social movements, interest groups, liberalism, political participation.

Прошедший в июле в японском городе Йокогама конгресс Международной социологической ассоциации (ISA) во многом стал отражением сдвигов, имеющих место в современном обществе и неизбежно изменяющих предметную область социологической науки. Прежде всего речь идет о постоянно растущем исследовательском интересе к новым формам социального взаимодействия, изменению форм и типов участия людей в экономическом, куль-

* Каневский Павел Сергеевич, e-mail: baggio-18@yandex.ru

турном и политическом пространстве. Достаточно взглянуть на список пяти президентов ISA, возглавлявших организацию с 1986 по 2010 г. (Маргарет Арчер, Иммануил Валлерстайн, Альберто Мартинелли, Петр Штомпка, Мишель Вевьерка), чтобы понять, что социологическое сообщество выдвигает на первое место именно глубинные сдвиги в социальной структуре, которые все труднее интерпретировать с помощью классических теорий первой половины и порой даже середины XX в., еще недавно казавшихся незыблемыми. Отсюда и меняющаяся роль социологии, а также отраслевых социологических направлений в исследовании социального пространства.

Ключевая проблема, которая сегодня все основательнее укореняется в академическом сообществе, заключается в том, что современный мир находится во власти процессов децентрализации и фрагментации, связанных с производством и воспроизводством различий на разных социальных уровнях. Такой взгляд на общественную динамику еще недавно считался новаторским и местами даже радикальным, однако в XXI в. он становится скорее тенденцией. Мишель Вевьерка назвал эти изменения “культурными вызовами”, с которыми нельзя не считаться, так как речь идет об изменении самой природы коммуникации в обществе, и заложенных, в свою очередь, в меняющемся сознании человека¹. В своем выступлении на пленарном заседании в Йогогаме складывавший с себя полномочия 17-й президент ISA Майкл Буравой заметил, что социальное пространство — от регионального уровня до мирового — развивается быстрее и, что еще важнее, более многовекторно, чем наука, его изучающая. Неслучайным было его обращение к Карлу Полянью, который с 1960-х гг. стал для многих исследователей культовой фигурой и чье наследие, по мнению М. Буравого, еще не до конца осознано. К. Полянью остался известен как автор единственной своей книги “Великая трансформация”, в которой он провел всесторонний анализ изменений, происходивших в европейском обществе XIX в. под воздействием либерализации рынков. Многие современные исследователи, включая Нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, нашли в труде К. Полянью мрачный прогноз о современной эпохе рыночной экспансии и о тех процессах социального дробления, которые столь кардинально меняют картину общества. Это дробление ведет к тому, что многие традиционные макрокатегории, которыми мы привыкли пользоваться в наших исследованиях, приобретают все более размытый характер, что негативно сказывается на качестве анализа, так как мы описываем нечто, что все труднее уловить на практике.

¹ См.: Вевьерка М. Формирование различий // Социс. 2005. № 8. С. 19.

Один из наиболее цитируемых и обсуждаемых сегодня социологов Ален Турен, чье присутствие (вернее, присутствие его теорий) также незримо ощущалось на конгрессе в Йокогаме, является родоначальником провокационной идеи, суть которой сводится к тому, что социология более не является наукой, описывающей общество или социальные системы. Данные категории постепенно растворяются в процессах социального дробления, а на первое место выходит изучение действий конкретных индивидов и групп. Логика рынка, которая проникла сегодня во все сферы общества, привела к невиданной индивидуализации общественного сознания и измельчанию того, что А. Турен называет коллективным действием. Эта мысль не является новой для французского социолога: еще в ранних своих работах² он заявлял, что индустриальное общество находится в состоянии кризиса, проявляющемся в кризисе ценностей, кризисе современной культуры, в рождении контркультур, что ставит под угрозу ценности индустриализации и модернизации. За этими проявлениями, по мнению А. Турена, кроются фундаментальные сдвиги в экономической сфере общества, в процессах распределения, обмена и потребления. Суть этих сдвигов состоит в переходе к новому типу общества, более активному, фрагментарному, самоорганизующемуся, которое обладает большим потенциалом мобилизации социальных групп для реализации рациональных задач, но вместе с тем обществу менее управляемому именно в силу разрастающихся процессов фрагментации, нарушающих его целостность.

Возможно, мысль А. Турена о “конце общества” является слишком смелой, однако очевидно, что под воздействием новых форм поведения, все более детерминированных экономическими интересами, мотивами и ценностями, общество претерпевает сильнейшие потрясения, ведущие к нарушению традиционных социальных связей — как связей между группами внутри общества, так и связей между группами и государством. Классовая борьба, которая была характерной для индустриальных обществ, уходит в прошлое, заменяясь новыми видами социально-политических и социально-экономических конфликтов, природа которых еще до конца не осознана. Вклад А. Турена заключается как раз в том, что он попытался выявить новые универсальные законы, на которых базируется новый тип социальных отношений, ведущий к новым формам социальных конфликтов и изменению природы современной демократии.

² См., напр.: *Touraine A. The post-industrial society. Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y., 1971.*

Многие исследователи, прежде всего в англо-саксонской среде, обвиняют А. Турена в том, что он — идеалист из эпохи молодежных протестов 1960-х гг., считающий, что истинная демократия невозможна без массовых социальных движений. Это, однако, упрощенный взгляд на наследие французского исследователя, потому что А. Турен никогда не стремился к социалистическим крайностям, к нему вообще не подходят идеологические клише “левый” или “правый”, хотя он и начинал свой путь с анализа трудов К. Маркса. Напротив, начиная с 1990-х гг., в частности после выхода таких работ, как “Что такое демократия?” и “Возвращение человека действующего”³, А. Турен стремится подчеркнуть, что демократия должна опираться на такие универсальные принципы, как личные права и свободы, плюрализм интересов и мнений, он вовсе не выступает против достижений философии либерализма в целом. Однако основным элементом в механизме функционирования демократического режима должны быть не разъединенные группы граждан и не отдельные, выхваченные из общего контекста интересы, а то, что А. Турен называет социальными акторами, чьи действия направлены на изменения социальных, политических и экономических практик, а не институтов. Институты в этом отношении вторичны по отношению к способам коммуникации.

Тем не менее, выступая в защиту либеральных ценностей, А. Турен заявляет, что волна политического либерализма, которая в 1970–1990-е гг. была направлена на ниспровержение мобилизованного общества, не принесла с собой новой модели общественного устройства, ибо либеральной модели общества в чистом виде не существует. Кстати, мысль об опасности подмены социального экономическим и о том, что это является одной из деструктивных сил в современной социологии, также не раз звучала на последнем конгрессе ISA; тем не менее эта мысль не нова — А. Турен впервые открыто заявил об этом в 1995 г. в своей работе “Критика модерна”⁴. Говоря о триумфе индивидуализма (который в данном случае следует отличать от индивидуальных прав и свобод граждан), А. Турен считает, что он стал возможным благодаря быстрому разрушению системы контроля над экономической деятельностью. Идея, в рамках которой граждане рассматриваются как индивиды, независимо от их принадлежности к каким-либо социальным и культурным группам, характерна скорее для теорий, возникших под влиянием философии Просвещения.

³ Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

⁴ См.: Кимелев Ю.А. Ален Турен. Критика модерна // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 1.

Здесь, однако, возникает сложный и противоречивый вопрос — можем ли мы рассматривать потребительские модели поведения, которые все прочнее укореняются в общественном сознании, в рамках традиционных категорий, порожденных эпохой Просвещения, либо мы имеем дело с чем-то абсолютно новым? Можем ли продолжать говорить о классическом понимании социального контракта между обществом и государством в условиях, когда традиционные институты, включая институты представительства, переживают кризис доверия, а человеческое сознание является индивидуализированным и в то же время глобальным? В ответах на эти вопросы, по А. Турену, заключаются основные различия между конфликтами рубежа XIX—XX и XX—XXI вв., потому что речь идет не столько о социальных изменениях, сколько о глубинных культурных сдвигах, которые ведут к изменению способов мышления и действия. Мы переживаем сегодня своего рода революцию индивидуальности против интеграционных парадигм. В этом смысле взгляды А. Турена перекликаются с идеями Жан-Франсуа Лиотара, который в конце 1970-х — начале 1980-х гг. заговорил о конце либерализма, социализма и прочих универсальных “нарративов”, применяемых для описания режимов, идеологий и культур. “Мы должны осознать, что живем в ситуации, никоим образом не сопоставимой с тем временем, когда экономические факторы приводили сначала к возникновению социальных конфликтов, а затем к появлению механизмов их институционализации и правового или договорного закрепления”⁵. Иными словами, классическая цепочка институционального закрепления социально-экономического и политического баланса сил и интересов в современном обществе нарушается: уже существующим институтам не обязательно ориентироваться на понятия общего интереса, всеобщего благосостояния, прогресса, национального единства, так как данные категории, особенно в представительных демократиях, все легче заменяются частными интересами.

Политические силы чутко улавливают тенденцию индивидуализации, отсюда — происходящие изменения в способах коммуникации между государством и обществом, между политическими представителями и электоратом. В качестве примера можно привести распространение методов маркетинга в процессе проведения избирательных кампаний, которое пришлось на 1990-е гг. В частности, речь идет о кампаниях Билла Клинтона 1996 г. и Тони Блэра 1997 г., перевернувших представления об электоральной методике. При помощи впервые массово примененных в избирательной

⁵ Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 49.

кампании фокус-групповых исследований нанятые аналитики смогли составить классические портреты избирателей и матрицу их индивидуальных потребностей, наподобие тех, что уже десятилетиями применялись в обычных рекламных кампаниях⁶. В итоге на уровне массовой коммуникации политическая реклама была направлена больше не на решение глобальных проблем, стоящих перед США и Великобританией, не на традиционные вопросы качества образования, медицины или налогов, а на незначительные, на первый взгляд, вещи, например на то, как сделать школьные автобусы более безопасными или оградить детей от просмотра ненужных телеканалов. Такая стратегия, несмотря на критику консервативных аналитиков, дала моментальный эффект, потому что кампании были выстроены на конкретных сиюминутных желаниях избирателей. Тем не менее в долгосрочной перспективе рейтинги Б. Клинтона и Т. Блэра все равно неизбежно снизились, а Лейбористская партия и вовсе вступила в фазу затяжного кризиса, так как потеряла свой электорат. По мнению британских исследователей Питера Инграма и Дженнифер Лис-Маршмент, во многом это было вызвано потерей стратегического видения, чрезмерным увлечением замами общественными настроений и попытками быстро на них реагировать⁷. В конечном счете, методы политического маркетинга могут быть эффективными с точки зрения достижения результата, однако они вряд ли могут способствовать поддержанию истинной демократии и стабильности в обществе.

В результате растущего разъединения между широкими слоями населения и государством сегодня мы все далее отходим от гегельянского понимания диалектических связей между государством и гражданским обществом, которые были гораздо более актуальны еще 30 лет назад в условиях существования организационных основ массового вовлечения граждан в политику — через массовые партии, профсоюзы, ассоциации. Сегодня классические формы политического участия сокращаются по мере того, как сокращается численность массовых социально-политических организаций и движений. Именно поэтому А. Турен считает, что партиципаторная демократия — это уже не более чем исчезающий пережиток прошлого, так как реальное политическое участие становится все более атомизированным и основанным на личных интересах и потребностях. Отчасти в этом заложены причины трансформации европейского корпоративизма как формы социально-политического

⁶ См.: *Savigny H.* Focus groups and political marketing: science and democracy as axiomatic? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2007. N 9.

⁷ См.: *Ingram P., Lees-Marshment J.* The anglicisation of political marketing: how Blair “out-marketed” Clinton // *Journal of Public Affairs*. 2007. Vol. 2. Iss. 2.

партнерства, которое все активнее заменяется американизированным вариантом плюрализма интересов. Это не означает, что социальные движения, как способ вовлечения граждан в политику, сегодня исчезают, они лишь меняют свою природу, становясь более амбивалентными. Социальные движения сегодня совмещают в себе, с одной стороны, отражение социальных конфликтов, которые их порождают, с другой — культурные ориентации их участников. Социальные движения, идет ли речь об экологических движениях или неупорядоченных на первый взгляд антиглобалистских или альтерглобалистских движениях, становятся сегодня все более удаленными от реальных политических субъектов, в первую очередь от партий, и все чаще ассоциируются с культурными движениями, которые действуют скорее в сфере формирования дискурсов, чем в сфере принятия решений. Сфера же принятия решений все больше фрагментируется под воздействием групп, деятельность которых направлена на достижение и реализацию интересов относительно немногочисленных общностей.

Отчасти то, что мы наблюдаем сегодня, является первичной стадией цикла взаимодействия между культурными движениями и политической сферой, какое наблюдалось в 1960-е гг. и которое в конечном счете повлекло за собой структурные изменения под воздействием изменившегося культурного дискурса, охватившего широкие слои населения. В итоге в 1970-е гг. в Западном мире стали появляться социальные движения, которые обладали высокой мобилизационной способностью и как следствие могли оказывать существенное влияние на общественное мнение и, что еще более существенно, на мнение политических элит. Окончательно институционально укрепившись в 1980-е гг. в виде разветвленной сети профсоюзов, новых профессиональных объединений, массовых партий, социальные движения лишились своего изначального протестного потенциала, который привел к их зарождению и постепенно растворились в политическом и культурном пространстве. Однако в 1990-е гг. под воздействием экономической либерализации и индивидуализации настал кризис и для институционального воплощения социальных движений, который выразился в глубоком кризисе сначала социал-демократии, а затем — уже в 2000-е гг. — мультикультурализма.

В своих последних работах А. Турен все чаще возвращается к классическим идеям демократии, которые должны снова занять свое место в современном мире. А. Турен считает, что сегодня дух демократии, который выражается в балансе ветвей власти, прав, норм и свобод, в универсальных правах человека, утерян. Сегодня данные категории во все большей степени лишаются смысла, теряется их первоначальная ценность, так как в обществе становится

все меньше носителей демократической культуры. Столь пессимистичный взгляд на современную демократию присущ отнюдь не только А. Турену: в той или иной мере он находит свое выражение и в теории пост-идеологического пространства И. Валлерстайна, и в концепциях культурных сдвигов М. Вевьерки, и даже в “публичной социологии” М. Буравого. Последний, например, считает, что социологическая наука должна быть позитивно политизированной, участвовать в формировании дискурсов политического участия, социальных движений и гражданского общества, возвращая, таким образом, себе функцию социализации. Во многом эти взгляды являются отголосками эпохи политических и культурных преобразований 1960–1970-х гг., на которые данные исследователи смотрят отчасти с чувством ностальгии, отчасти — пытаясь найти в них вдохновение для современного общества и демократии. Как заключает А. Турен в своей книге “После кризиса”, “широкая идея о правах человека должна быть срочно заменена на новые виды социального взаимодействия, которые были бы реальны и динамичны, а не только отражены в публичных документах и заявлениях... Наиболее эффективным ответом на нынешний кризис должно стать реконструирование отношений между экономическими акторами, создание новой системы общественных ценностей”⁸.

Тем не менее предупреждение А. Турена современному обществу все же сложнее, чем простой призыв к новому типу социальных взаимодействий. Уроки поражения социал-демократических идей, рожденных в 1960-е гг., заключаются в том, что прогресс достаточно быстро стал отождествляться исключительно с процессом индустриализации, а истинные проекты, призывающие к социальному действию, активному вовлечению граждан в формирование социально-экономического и политического пространства, стали постепенно замыкаться на радикализме. Самая радикальная идея А. Турена — об отказе от категорий “общество” и “система” — призвана скорее не эпатировать, а подчеркнуть тот факт, что данные категории достались нам от XIX — первой половины XX в., будучи созданными в абсолютно иных условиях, а потому требуют переосмысления. Концепции эволюционизма и рациональной модернизации, которые во многом породили данные “нарративы”, более не отражают реальную, крайне разнородную общественную динамику. То же касается и понятия “демократия”, которое утрачивает сегодня свои идейные и культурные корни 1950–1980-х гг., а опыт развивающихся стран показывает, что не существует единой траектории демократического развития. Впрочем, вопрос, является

⁸ *Touraine A. After the crisis. Cambridge, 2014. P. 157–158.*

ли предлагаемая А. Туреном социология действия, направленная на реконструкцию социологического мышления в условиях новой социальной реальности, новым типом социологического знания, пока остается открытым.

Следует сказать прямо, что наследие А. Турена содержит в себе ряд противоречий, а его взгляды во многом направлены на европейско-континентальный опыт демократизации. Однако кажущийся провокационным характер теорий А. Турена в реальности направлен на то, чтобы возродить практически замороженный социально-политический дискурс, который повлиял бы на формирование новой социальной реальности, адекватно отражающей социальные интересы и интересы реальных слоев населения. В конечном счете на фоне экономических потрясений и структурных преобразований общественного сознания и культуры, изменений в способах взаимодействия между гражданским обществом и государством, изменений самого гражданского общества, мысли А. Турена сегодня требуют более широкого обсуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вевьерка М. Формирование различий // Социс. 2005. № 8 (*Vev'erka M.* Formirovanie razlichij // Socis. 2005. N 8).

Кимелев Ю.А. Ален Турен. Критика модерна // Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия. 1999. № 1 (*Kimelev Yu.A.* Alen Turen. Kritika moderna // Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Ser. 3. Filosofija. 1999. N 1).

Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998 (*Turen A.* Vozvrashhenie cheloveka dejstvujushhego. M., 1998).

Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4 (*Turen A.* Social'nye izmenenija dvadcatogo stoletija // Sociologicheskoe obozrenija. 2002. T. 2. N 4).

Ingram P., Lees-Marshment J. The anglicisation of political marketing: how Blair "out-marketed" Clinton // Journal of Public Affairs. Vol. 2. Iss. 2.

Savigny H. Focus groups and political marketing: science and democracy as axiomatic? // British Journal of Politics and International Relations. 2007. N 9.

Touraine A. After the crisis. Cambridge, 2014.

Touraine A. The post-industrial society. Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y., 1971.